

Образ жизни, индивидуальные свойства человека, совместная деятельность — предпосылки и основание развития личности

Индивид и личность

Разведение понятий «индивид» и «личность», а также выявление различных качеств «индивида» и «личности», отражающих специфику их развития в природе и обществе, является важным моментом в понимании процесса развития личности.

При выделении понятия «индивид» в психологии личности отвечают прежде всего на вопрос, в нем данный человек подобен всем другим людям, то есть указывают, что объединяет данного человека с человеческим видом. Понятие «индивид» не следует смешивать с противоположным по значению понятием «индивидуальность», с помощью которого дается ответ на вопрос, чем данный человек отличается от всех других людей. «Индивид» обозначает нечто целостное, неделимое. Этимологическим истоком этого значения понятия «индивид» является латинский термин «*individuum*» (индивидуум). Характеризуя личность, также имеют в виду «целостность», но такую «целостность», которая рождается в обществе. «Индивид» выступает как преимущественно генотипическое образование, а его онтогенез характеризуется как реализация определенной филогенетической программы вида, достраиваемой в процессе созревания организма. В основе созревания индивида лежат в основном адаптивные приспособительные процессы, в то время как развитие личности не может быть понято исключительно из приспособительных форм поведения. Индивидом рождаются, а личностью становятся (А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн).

В обыденном сознании «индивид» и «личность» нередко отождествляются между собой. Истоки отождествления этих понятий восходят еще к мифологической антропологии Древнего Египта, откуда идея телесно инкапсулированной личности переключалась в христианскую мифологию, а затем проявилась в таких психологических течениях, как психоанализ, персонология и гуманистическая психология. Это понимание «телесности» личности нашло, в частности, выражение в том, что некоторые персонологи, проследившая этимологию термина «личность», указывают не только на греческую или латинскую этимологию этого термина (*persona*) — маска, а затем «роль артиста», но и на удобное для разведения различных психологических течений разграничение в немецком языке терминов «*Personlichkeit*» и «*Personalität*». Немецкий термин «*Personlichkeit*» близок по значению к латинскому «*persona*» и отражает то социальное публичное впечатление, которое данный человек производит на других людей. Термин «личность» в этом смысле сводит понятие «личность» к внешним публичным проявлениям человека. В данном значении термин «личность» используется преимущественно в ролевых подходах к пониманию социального поведения человека.

Термин «личность» в значении «Personalität» отражает ядро, сердцевину, неповторимую глубинную природу человеческого существа, которая может быть врожденной, приобретенной, но, главное, телесно инкапсулированной. С помощью термина «Personalität» подчеркивается устойчивость личности, ее автономность от изменяющихся социальных ситуаций, общества в целом. В этом значении термин «личность» как правило, употребляется психоаналитиками (З.Фрейд, К.Юнг), представителями гуманистической психологии (А.Маслоу, К.Роджерс), а также создателем теории неповторимости индивидуальной личности Г.Мюрреем. В персонологии Г.Мюррея пространством обитания личности считается мозг человека. В указанных течениях личность выступает как нечто «единичное», уникальное, резко отличающееся от периферийного социального фасада, то есть социальной маски, персоны, «социального индивида».

Если различие реальностей, обозначаемых понятиями «индивид» и «личность», упускается из виду, сущность личности размещается в пространстве «индивида», а исследователи оказываются в плену схем двухфакторной детерминации развития личности и многочисленных биологических типологий личности, опирающихся при построении этих типологий на те или иные свойства индивида, например, на особенности его внешнего или внутреннего телосложения (Э.Кречмер, У.Шелдон, Г.Айзенк и др.). Игнорирование несовпадения реальностей, обозначаемых понятиями «индивид» и «личность», влечет за собой две крайности: либо развитие личности подменяется развитием индивида, вследствие чего появление различных психических новообразований механически приурочивается к тому или иному возрасту по чисто хронологическим и биологическим критериям; либо процессы созревания индивида полностью выносятся за скобки в социологизированных подходах к изучению личности.

Важность разграничения понятий «индивид» и «личность» весьма продуктивна в психологии. Но при этом не должно произойти подмены терминов, при которой вместо «биологического» употребляется «индивидуальное», вместо «социальное» — «личностное», а сам взгляд на проблему соотношения биологического и социального остается дуалистическим.

Разграничение понятий «индивид» и «личность» имеет не только методологические, но и эмпирические основания. Если представить шкалу с противоположными точками «индивид» и «личность», то на одном ее конце окажется «личность без телесного индивида», вроде описанного Ю.Тыняновым поручика Кижее или различных мифических личностей, а на другом — «индивид без личности», вроде детей, выращенных животными (феномен Маугли).

Трагическую картину процесса превращения личности в индивида, возникающего при выпадении личности из системы социальных связей, приходится иногда наблюдать в домах-интернатах для престарелых (В.Ф.Болтенко). В.В.Давыдов, приводя пример из известной повести Л.Н.Толстого «Смерть Ивана Ильича», проводит грань между биологической смертью «индивида» и порой опережающей ее смертью самосознания лично-

сти. Иван Ильич знал, что умирает, но никак не мог принять этого. «Возможно, это и покажется парадоксальным, но люди порой "умирают" задолго до биологической смерти. Умирают, ибо все ими сделано и исчерпано до конца та возможность выразить себя в мире, которая дается каждому лишь раз. И у "роковой черты" остается только одно — сказать себе правду о своей жизни. Остается только исповедь как форма самораскрытия изнутри. И эта правда, которую должен сказать себе человек, является последним, что ему остается сделать в жизни. Иван Ильич сказал себе эту правду, и ему было легко умирать, так как он уже фактически похоронил свою душу — эту, по меткому выражению М.М.Бахтина, последнюю смысловую позицию личности». Самосознание личности оставляет человека, а жизнь индивида в системе социальных отношений еще продолжается, что ставит перед медиками порой немало трудноразрешимых этических проблем.

При разграничении понятий «индивид» и «личность» в эмпирическом плане самого пристального внимания заслуживает обнаруженный психогенетиками феномен «мы-самость» (we-self) — существование одной личности у однойцевых близнецов, не могущих существовать друг без друга ни во времени, ни в пространстве. Одна личность тем самым как бы обслуживается двумя индивидами.

Наряду с разграничением понятий «индивид» и «личность» в отечественной и зарубежной психологии при характеристике личности используют различные триады: «организм», «социальный индивид», «личность» (М.Г.Ярошевский, Ром Харре); «индивид», «личность», «индивидуальность» (С.Л.Рубинштейн). Б.Г.Ананьевым было введено представление об «индивиде», «личности», «субъекте деятельности» и «индивидуальности». Через понятие «индивид» он обозначил «индивидные» природные свойства человека; через понятие «личность» — социальное положение человека в обществе, общественные функции — роли, цели и ценностные ориентации, определяющие социальную биографию человека. Под «субъектом деятельности» Б.Г.Ананьев понимал человека, обладающего сознанием и активно преобразующего мир в познании, труде и т.д., а под «индивидуальностью» — интегративное целостное объединение «индивида», «личности» и «субъекта деятельности». Сходных взглядов на индивидуальность придерживался В.С.Мерлин, разрабатывающий концепцию «интегральной индивидуальности».

Такого рода разграничение разных проявлений жизни личности в обществе является продуктивным, особенно когда в целях экспериментального исследования ставится задача выделения тех или иных специфических закономерностей становления личности. Вместе с тем при резком разведении личности на различные «триады» возникают определенные затруднения.

Биогенетическая ориентация исследования развития человека в онтогенезе приводит исследователей к изучению прежде всего фенотипических особенностей созревания организма. Социогенетическая ориентация побуждает исследователей к разработке представлений о закономерностях развития «социального индивида» или «личности» в понимании Б.Г.Ананьева. Персо-

ногенетическая ориентация, даже если она освободится от ассоциации термина «персонология» с «персонологией» в смысле Г.Мюррея, приводит к анализу преимущественно формирования самосознания личности, проявлений ее «индивидуальности». Выделяя эти ориентации изучения личности, И.С.Кон отмечает: «Поскольку каждая из этих моделей (реализация биологически заданной программы, социализация и сознательное самоосуществление) отражает реальные стороны развития личности, спор по принципу «или—или» не имеет смысла. «Развести» эти модели по разным «носителям» (организм, социальный индивид, личность) также невозможно, ибо это означало бы жесткое однозначное разграничение органических, социальных и психических свойств индивида, против которого выступает вся современная наука».

При анализе соотношений «индивида», «личности» и «индивидуальности» как «элементов» эволюционирующей системы анализируются их взаимосвязи в филогенетическом, антропогенетическом, социогенетическом, онтогенетическом и функциональном аспектах их развития, а также ставится вопрос о преобразовании закономерностей историко-эволюционного процесса в ходе истории вида.

Появление человеческого индивида в «мире человека» опосредствовано всей историей его вида, которая преломилась в наследственной программе индивида, подготавливающей его к специфическому для данного вида образу жизни. Так, только человеку присущи рекордная продолжительность периода детства; возможность пребывать при рождении в состоянии крайней «беспомощности»; размер веса мозга ребенка, составляющий всего лишь около четверти веса мозга взрослого человека. Последний факт станет еще более красноречивым, если вспомнить, что вес мозга большинства обезьян при рождении составляет более двух третей взрослой особи и достигает веса мозга взрослой обезьяны уже к концу первого года жизни.

Подобная беспомощность человеческого индивида при рождении — яркое свидетельство того, что закономерности биологической эволюции потеснились, преобразовались, а на первый и крупный план вышли закономерности историко-эволюционного процесса развития ребенка. Законы биологической эволюции давно перестали быть движущим фактором прогрессивного развития человечества. «Но такие явления, как спонтанные аборт (15% от всех беременностей), мертворождения (1% от всех родов), определенное количество бесплодных браков, повышенная смертность мальчиков в первый год жизни, — все они... должны рассматриваться как элементы естественного отбора против определенных генотипов».

Образ жизни человечества, как это и вытекает из теории А.Н. Северцова, приводит к конкретной перестройке закономерностей историко-эволюционного процесса, но именно к перестройке этого процесса, а не к его полной отмене. Закономерности эволюции не просто отмирают, а радикальным образом преобразуются, в корне меняется логика причин и движущих сил эволюционного процесса. Индивидуальные свойства человека выражают прежде всего тенденцию человека как «элемента» в развивающейся системе

общества к сохранению, обеспечивая широкую адаптивность человеческих популяций, особенно когда речь идет о филогенетически наиболее древних уровнях организации индивида. Однако биология онтогенеза — индивидуального развития человека, несмотря на горы фактов, по мнению классика современной биологии Б.Л.Астаурова, в сущности еще отсутствует. И главные ее трудности как раз в том и заключаются, что индивидуальное развитие человека осуществляется в контексте социального образа жизни, который не просто накладывается на природный «субстрат» человека, а и в антропогенезе, и в социогенезе, и в жизненном пути личности приводит к преобразованию этого природного «субстрата». В связи с этим на индивидуальное развитие человека в онтогенезе не могут быть перенесены закономерности биологической эволюции, разработанные на материале филогенеза в биологии. Вопрос о природе и характере этих закономерностей, в том числе и о влиянии жизненного пути личности на онтогенетическое развитие индивида, ждет своего разрешения в человекознании.

В методологическом плане, с какого бы уровня методологии вопрос о соотношении биологического и социального в человеке не рассматривался, особенно в том его варианте, который влечет бесплодные рассуждения о «степени животности» и «степени человечности» человека, его решение расходится не только с фактами социологии и психологии, но и биологии. Индивид по способу жизни в среде коренным образом отличается от любых других биологических видов. «Никто не возражал бы иметь глаз орла, желудок кашалота, сердце ворона и т.д., то есть обладать звериным здоровьем и "зверской" физической работоспособностью. Но человеческое общество не могло бы сложиться, если бы у людей сохранились животные отношения к вещам и друг другу; звериные отношения к миру разрушили бы и общество, и человеческое в нас самих. У человека нет "биологического" в простом и основном значении этого термина — животнo-биологического. Биологические особенности человека состоят именно в том, что у него нет унаследованных от животных инстинктивных форм деятельности и поведения».

Таким образом, при разведении понятий «индивид», «личность» и «индивидуальность» в контексте историко-эволюционного подхода к изучению развития человека не происходит подмены этими понятиями терминов «биологическое» и «социальное». Сама постановка вопроса о животнo-биологическом в человеке, навязанная антропоцентристской парадигмой мышления, теряет смысл. Главными вопросами становятся вопросы о преобразовании закономерностей биологической эволюции в историческом процессе развития общества и о системной детерминации жизни личности, способом существования и развития которой является совместная деятельность в социальном конкретно-историческом образе жизни данной эпохи.

Совместная деятельность – детерминанта развития личности

Важным моментом развития личности является представление этого процесса в виде системной схемы детерминации.

Основанием этой схемы является совместная деятельность, посредством которой осуществляется развитие личности в социально-исторической системе координат данной эпохи. «Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его «Я». Дело, однако, обстоит вовсе не так... Многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем «Я»; иначе говоря, центр этот лежит не в индивидуе, не за поверхностью его кожи, а в его бытии.

Анализ деятельности и сознания неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, «птолемеевского» понимания человека в пользу понимания «коперниканс-ского», рассматривающую систему взаимосвязей людей в обществе. Нужно только при этом подчеркнуть, что включенное в систему вовсе не значит растворяющееся в ней, а, напротив, обретающее и проявляющее в ней силы своего действия».

Во избежание односторонней интерпретации представлений о совместной деятельности как основания развития личности необходимо подчеркнуть, что «центром» личности являются не столько сами по себе «узлы» или «иерархии деятельностей» личности в социальном мире, а то, что порождается в многообразных деятельностях, то, ради чего и как человек использует приобретенные для него личностный смысл социальные нормы, ценности, идеалы, в том числе и индивидуальные свойства, в своей жизни.

На определенном этапе развития личности взаимоотношение между личностью и порождающим ее деятельностным «основанием» изменяется. Совместная деятельность в конкретной социальной системе по-прежнему детерминирует развитие личности, но личность, все более индивидуализируясь, сама выбирает ту деятельность, а порой и тот образ жизни, которые определяют ее развитие. Иначе говоря, в ходе жизни обозначается переход от режима употребления, усвоения культуры — к режиму конструирования различных социальных миров.

Вне анализа многообразных совместных деятельностей как оснований развития личности возникают серьезные трудности при реализации в психологии принципов развития и историзма. Вопросы о том как индивид вовлекается в общественные отношения, каким образом приобретает системное «сверхчувственное» качество, позволяющее характеризовать инди-

вида как «личность», как зовут ту силу, которая не только может породить личность, но и определить закономерности ее функционирования и развития, через что личность выражает свои отношения к миру и преобразует мир, — остаются без ответа. Путь к решению этих вопросов открывается в том случае, если в качестве системообразующего основания в схеме детерминации развития личности берется совместная деятельность. Индивидуальные свойства человека и социальная среда не являются чем-то внешним по отношению к целенаправленной деятельности, не понимаются как два «фактора», варьируя которыми по принципу «больше-меньше» таинственный кукольник определяет судьбу личности, ее поступки. Они как бы погружены в многообразные деятельности, и их преобразования, влияющие на развитие личности, неотделимы в жизни личности от преобразований «потока деятельностей».

Индивидуальные свойства человека — предпосылки развития личности.

Человек рождается как существо социально-генетическое, а его индивидуальные особенности подготовлены к социально-историческому образу жизни общества. Эти «индивидуальные свойства» (термин Б.Г.Ананьева) на ранних этапах онтегенеза не представляют собой биологическую базу или фактор, который предопределяет развитие личности в «потоке деятельностей», а выступают как «безличная предпосылка» развития личности, претерпевающая порой в процессе жизненного пути личности некоторые изменения. Безусловно, индивидуальные предпосылки человека, преобразуясь в ходе жизни человека, являются условием развития личности. Иногда приписываемый ряду психологов взгляд, будто бы деятельностный подход сбрасывает вообще индивидуальные свойства со счетов при анализе развития личности, или утверждение о полном прекращении действия биологических закономерностей развития человека основаны на недоразумении. «...Начиная от кроманьонского человека, то есть человека в собственном смысле слова, люди уже обладают всеми морфологическими свойствами, которые необходимы Для процесса дальнейшего безграничного общественно-исторического развития человека — процесса, теперь уже не требующего каких-либо изменений его наследственной природы. Таким действительно и является фактический ход развития человека на протяжении тех десятков тысячелетий, которые отделяют нас от первых представлений вида *Homo sapiens*: с одной стороны, необыкновенные, не имеющие себе равных по значительности и по все более возрастающим темпам изменения условий и образа жизни человека; с другой стороны, устойчивость его видовых морфологических особенностей, изменчивость которых не выходит за пределы вариантов, не имеющих социально существенного приспособительного значения.

Значит ли это, однако, что на уровне человека происходит остановка всякого филогенетического развития? Что природа человека как выразителя своего вида, раз сложившись, далее не меняется?

Если признать это, то тогда необходимо также признать и то, что способности и функции, свойственные современным людям, например тончайший фонематический слух... — все это является продуктом онтогенетических функциональных изменений (А.Н. Северцов), не зависящих от достижений развития предшествующих поколений.

Несостоятельность такого допущения очевидна».

В деятельностном подходе к изучению личности тем самым речь идет не об остановке биологической эволюции человека, а о том, что у человека устойчивы видовые морфологические особенности, не выходящие за пределы вариантов, не имеющих социально приспособительного значения. Вопросы же изучения «индивидуальных предпосылок» развития личности в онтогенезе заключаются в том, при каких обстоятельствах, каким путем и в чем находят свое выражение закономерности созревания индивида в жизненном пути индивидуальности, а также в том, как преобразуются индивидуальные свойства человека в зависимости от социального образа жизни, порой превращаясь из предпосылок развития личности в продукт этого развития.

Индивидуальные предпосылки, будь то от природы унаследованные задатки или темперамент, сами по себе не предрешают развитие способностей и характера, точно так же как социальные условия жизни — хижины или дворцы, усвоенные в процессе социализации роли, — сами по себе не определяют, вырастет ли в этих условиях пекущийся о своем благополучии приспособленец или же герой, готовый отдать жизнь ради рождения культуры достоинства. Если индивид не будет вовлечен в соответствующую его природным задаткам деятельность, то они останутся нереализованными. Темперамент и задатки, впрочем, как и любые индивидуальные предпосылки, не представляют собой свойств личности. Эти предпосылки не являются основой или базой личности. В действительности свойства индивида (строение тела, пол, биологический возраст, типы высшей нервной деятельности и т.д.) определяют формально-динамические аспекты поведения личности и, включаясь в деятельность, выражающую отношения человека к миру, к другим лицам и самому себе, оказывают влияние на становление личности. В связи с этим, например, конституция или какой-либо органический дефект вроде хромоты может оказать влияние на формирование личности. Основатели конституционных типологий личности (Э.Кречмер, У.Шелдон, Г.Айзенк) подвергаются критике вовсе не за то, что они пытались выявить связь индивидуальных свойств человека с развитием, а за то, как они устанавливали эту связь.

При изучении индивидуальных свойств человека не следует забывать, что они развиваются и преобразуются в контексте социально-исторического образа жизни общества.

Социально-исторический образ жизни — источник развития личности в социогенезе. В философской методологии, а также в ряде конкретных социальных наук, прежде всего в социологии, образ жизни характеризуется как совокупность типичных для данного общества, социальной группы или индивида с условиями жизни данной общности или индивида. В психологии

в сходном смысле употребляется понятие «социальная ситуация развития», которое было предложено в дискуссии с исследователями, придерживающимися двухфакторных схем развития личности, в частности в ходе критики представлений о «среде» как о «факторе» развития личности.

Понятие «социальная ситуация развития», введенное Л.С.Выготским, получило затем право гражданства в детской и социальной психологии благодаря исследованиям Л.И.Божович и Б.Г.Ананьева. Говоря о «социальной ситуации развития», Л.С.Выготский подчеркивал, что среда не есть «обстановка развития», то есть некий «фактор», непосредственно детерминирующий поведение личности. Она представляет собой именно условие осуществления деятельности человека и источник развития личности. Но это то условие, без которого, как и без индивидуальных свойств человека, невозможен сложный процесс строительства личности. Материалом для этого процесса служат те конкретные общественные отношения, которые застают «индивид», появляясь на свет. Все эти обстоятельства, выпадающие на долю «индивида», сами по себе выступают как «безличные» предпосылки развития личности.

Введение представлений о социально-историческом образе жизни как источнике развития личности позволяет исследовать развитие личности на пересечении двух осей в одной системе координат — оси исторического времени жизни личности и оси социального пространства ее жизни.

О природе времени и его роли в детерминации развития личности в психологии известно немного. Классические исследования В.И.Вернадского о качественно различных структурах времени в физической, геологической, биосферной и социальной системах затронули психологию по касательной. Точно так же, как психология изучала личность в «искусственных мирах», «средах», она долго довольствовалась представлением о времени, заимствованном из классической механики. Любые трансформации времени в истории культуры или сознании человека, его уплотнения или ускорения, интерпретировались как иллюзии, как «кажущиеся» отклонения от физического времени. В отечественной психологии тезис о зависимости времени от тех систем, в которые оно включено — в неорганическую природу, в эволюцию органической природы, в социогенез общества, в истории жизненного пути человека, — был сформулирован С.Л.Рубинштейном. «...Кажущимся оно (время — А.А.) является только по отношению к общепринятому официальному, за которое принимается время природы, время механического движения материи. Субъективно переживаемое время — это не столько кажущееся, субъективно данное в переживании якобы неадекватно преломленное время движущейся материи, а относительное время жизни (поведения) данной системы — человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека. В концепции времени отражается теория детерминации процесса». Эта идея С.Л.Рубинштейна лишь недавно стала интенсивно разрабатываться в психологии личности. В исследовании Е.И.Головахи и А.А.Кроника дается характеристика различных форм детерминации времени жизни человека: «физического или хронологического времени, к которому до сих пор сводится представление о времени в позитивистски ориентированной психологии

познания; биологического времени, зависящего от жизнедеятельности биологических систем и изучаемого прежде всего в цикле работ о биологических ритмах жизни, о биологических часах; исторического времени, обусловленного особенностями социогенеза конкретно-исторических общностей (кто, например, сейчас назовет поездку из Петербурга в Москву путешествием, как это сделал А.Н.Радищев); психологического времени личности, представляющее собой одновременно условие и продукт реализации деятельности в ходе жизненного пути личности.

Ось исторического времени образа жизни личности в данном обществе дает возможность выделить тот объективный социальный режим, который задан личности — исторически обусловленную протяженность детства в этой культуре; объективный режим смены игры — учебой, учебы — трудом; распределение временного бюджета на «работу» и на «досуг», характерное для этого типичного образа жизни. Без учета исторического времени те или иные особенности деятельности человека, вовлечение ребенка в игру или учебу будут казаться исходящими либо из самого ребенка, либо из его непосредственного социального окружения. Они могут лишь чуть замедлить или ускорить исторический ритм образа жизни, но не изменить его в рамках данной эпохи.

Другая ось образа жизни — это социальное пространство, в которой существуют на данном интервале исторического времени различные «институты социализации» (семья, школа, трудовые коллективы), большие и малые социальные группы, участвующие в процессе приобщения личности через совместную деятельность общественно-исторического опыта.

В волшебной сказке М.Метерлинка «Синяя птица» добрая фея дарит детям чудодейственный алмаз. Стоит лишь повернуть этот алмаз, и люди начинают видеть «скрытые души» вещей. Как и в любой настоящей сказке, в этой сказке есть большая правда. Окружающие людей предметы человеческой культуры действительно имеют «душу». И «душа» эта не что иное, как «поле значений», существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности в орудиях труда схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, церемоний, различных социальных символов и норм. Только в том случае человек становится личностью, если он с помощью социальных групп включится в «поток деятельности» (а не «поток сознания») и через их систему усвоит экстерииоризованные в человеческом мире «значения». Совместная деятельность и есть тот «алмаз», который, как правило, совершенно этого не осознавая, поворачивает человек, чтобы увидеть «души» предметов и приобрести свою собственную «душу».

Иными словами, в окружающем человека мире объективно существует особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, — поле значений. Это поле значений отдельный индивид находит как вне-его-существующее — им воспринимаемое, усваиваемое, поэтому также, как то, что входит в его образ мира (А.Н.Леонтьев). Организуя деятельность в соответствии с полем значений, люди тем самым непрерывно подтверждают реальность его существования. Социальное пространство ка-

жется столь естественным, изначально приросшим к натуральным свойствам объектов природы, что его замечают чаще всего тогда, когда оказываются в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни. Тогда-то и открывается различие в образе мира человека разных культур, например, различия в этническом самосознании, ценностных ориентациях и т.д.

Социально-исторический образ жизни личности — источник развития личности, который в ходе жизни личности превращается в ее результат. В реальности личность никогда не скована рамками заданных социальных ролей. Она — не пассивный слепок культуры, не «ролевой робот», как это порой явно или неявно утверждается в ролевых концепциях личности.

Преобразуя деятельность, развертывающуюся по тому или иному социальному «сценарию», выбирая различные социальные позиции в ходе жизненного пути, личность все резче заявляет о себе как об индивидуальности, которая своими «личностными действиями» (Д.Б.Эльконин), поступками и деяниями вмешивается в культуру, порой отстаивая себя в культуре, а порой теряя себя в ней.

Проявления активности личности возникают не в результате какого-либо первотолчка, вызываемого теми или иными потребностями. Поиск «двигателя», дающего начало активности личности, необходимо искать в тех рождающихся в процессе потока деятельностей противоречиях, которые и являются движущей силой развития личности. Кульминационным пунктом в ходе анализа личности является рассмотрение продуктивных (творчество, воображение, целеобразование и т.п.) и инструментально-стилевых (способности, интеллект, характер) проявлений индивидуальности личности.

При переходе деятельности личности от режима потребления, усвоения культуры в режим созидания и творчества биологическое и историческое время все более превращается в психологическое время жизни личности, строящей свои планы и воплощающей свою жизненную программу в социальном образе жизни данного общества. По словам Л.Сэва, «время жизни» человека превращается в его «время жить».

Итак, в схеме системной детерминации развития личности выделяют три следующих момента: индивидные свойства человека как предпосылки развития личности, социально-исторический образ жизни как источник развития личности и совместная деятельность как основание осуществления жизни личности в социальном мире. За каждым из этих моментов стоят различные и пока недостаточно соотнесенные между собой области изучения личности.

Представления об индивидных предпосылках развития личности и их преобразовании в ходе ее развития остаются на уровне рассуждений, если не обратиться к богатым теоретическим конструкциям и эмпирическим данным, накопленным в дифференциальной психофизиологии, психогенетике, психосоматике и нейропсихологии. Вместе с тем исследования по дифференциальной психофизиологии, психогенетике и другим областям будут напоминать «кошку, которая гуляет сама по себе», если не рассмотреть их предмет как

органические предпосылки развития личности и тем самым включить его в контекст психологии личности.

При изучении общества как источника развития личности неизменно встают вопросы о ее социотипических проявлениях, ее социальной позиции в обществе, механизмах социализации и регуляции ее социального поведения, развития в социогенезе. Решение данных вопросов немислимо без обращения к социальной, исторической, возрастной, педагогической, экологической психологии и этнопсихологии. В свою очередь каждая из этих дисциплин рискует «не увидеть за деревьями леса» и свести, например, «личность» к «роли» или смешать «социальный характер» с «индивидуальным характером», принять периодизацию развития психики за периодизацию развития личности в том случае, если другие детерминанты не будут находиться хотя бы на периферии исследования этих областей психологической науки. Разработка представлений о социально-историческом образе жизни как источнике развития личности помогает решить вопросы, что присваивается, приобщается личностью в процессе ее движения в системе социальных отношений, каковы возможности выбора, перехода от одного вида деятельности к другому, каково содержание приобретенных в этой системе черт и установок личности.

И при анализе индивидуальных предпосылок, и при исследовании социально-исторического образа жизни как источника развития личности постоянно следует учитывать, что речь идет о биогенетических, социогенетических и персогенетических ориентациях в психологии личности, которые в контексте историко-эволюционного подхода и системной схемы детерминации развития личности перестают быть параллельными линиями изучения личности. С самого момента движения человека в обществе эти «предпосылки» начинают активно участвовать в жизни той или иной эволюционирующей системы, влиять на ее развитие, трансформироваться из предпосылок в результате ее развития, использоваться личностью как средства достижения ее целей.

Особенно остро эта проблема встает при изучении индивидуальности личности в персоногенезе как продолжении в жизни человека биогенеза и социогенеза. Индивидуальность личности, ее творчество, характер, способности, поступки и деяния наиболее выразительно проявляются в проблемно-конфликтных ситуациях, увеличивая потенциальные возможности развития культуры.

При изучении индивидуальности личности в центре оказываются вопросы о том, ради чего живет человек, какова мотивация его развития, каким закономерностям подчиняется его жизненный путь. Над решением этих вопросов работают помимо общих психологов представители возрастной, педагогической, социальной, этнической и организационной психологии, клинической психологии, психиатрии, то есть тех отраслей психологии, перед которыми стоит задача психологической помощи личности в ее частной и профессиональной жизни. При исследовании индивидуальности личности представители общей и дифференциальной возрастной, социальной, историче-

ской, клинической и инженерной психологии поднимают проблемы личностного выбора, самоопределения, саморегуляции личности, механизмов, обеспечивающих продуктивность деятельности личности, общих и специальных способностей как характеристик успешности выполнения деятельности. Они также ставят вопросы об изучении индивидуального стиля деятельности и характера как форм выражения личности в деятельности.

Решение названных проблем требует от различных психологов, разрабатывающих психологию личности, создания по всей стране разветвленной сети психологических служб.

Выделенные ориентиры рассмотрения психологии личности выступают как основа для изучения сложной сети взаимоотношений между природой, обществом и личностью. Они также позволяют обозначить точки приложения усилий разных отраслей психологии, занимающихся изучением многообразных проявлений личности. Главное же значение этих ориентиров заключается в том, что они дают возможность представить разрозненные факты, методы и закономерности в контексте психологии личности как самостоятельного направления психологической науки и сферы профессиональной практики.